

Император посетил дворец Икунь и покинул его спустя какой-то четверть часа. С лица его не сходило бесстрастное выражение, а сама фигура, казалось, источала мрачное недовольство.

В Запретном городе, где даже у стен есть уши, подобные новости разлетались мгновенно. Это посещение лишь подтвердило слухи, которые двор и без того уже считал чистой правдой. Каждое знатное семейство имело при дворе своих людей, а вельможи и военачальники никогда не страдали глухотой. Вскоре о случившемся судачили далеко за пределами дворцовых стен.

Семья Уланара хранила молчание. Какая бы буря ни бушевала над их головами, они оставались неподвижны, словно горы. Отчасти их сдерживал недавний исторический урок — свежа еще была память о некогда всесильном клане Тун, чье безграничное влияние в конечном итоге едва не погубило его членов. Хотя Уланара и не смели равнять себя с ними, предостережение они усвоили прочно.

Другой же причиной было намеренное давление со стороны Цяньлуна. С тех пор как государь возвел Сянь-фэй, урожденную Нала, в ранг императрицы, большинство ее родственников лишились ключевых постов и довольствовались лишь номинальными должностями. Пока сама Нала не совершала ошибок, такое положение дел вполне устраивало императора. К тому же среди молодого поколения семьи пока не появилось выдающихся талантов, так что мирная и тихая жизнь казалась для них лучшим уделом.

Столкнувшись с явными и скрытыми насмешками, великий герцог Наэрбу лишь добродушно улыбался, не меняясь в лице, отчего все колкости недоброжелателей уходили в пустоту. Поняв, что разжечь ссору не удастся, придворные быстро теряли интерес. Но находились и те, кто не унимался, изо дня в день продолжая плести интриги.

Столкновение между кланом императрицы и родственниками фаворитки обещало быть захватывающим. Весь двор затаил дыхание, предпочитая наблюдать за развитием событий издалека.

Наэрбу с холодным безразличием выслушивал намеки то и дело крутившегося рядом Фу Луня. Однако, когда тот в своих речах перешел на молодых юношей из рода Уланара, несших службу у самого трона, терпение Наэрбу едва не лопнуло. Лишь память о вестях, присланных Минкаем, помогла ему сдержать гнев. И все же, когда он вернулся в свое поместье, на его лице не было улыбки.

Пока в доме Уланара раздумывали, как проучить зарвавшегося Фу Луня, из дворца пришли вести, мгновенно разлетевшиеся по всему Пекину: Телохранитель императора Фу Эрканы за неподобающее поведение перед государем разжалован в низший ранг и отправлен охранять ворота во дворец Яркого Солнца.

Следом за этим поползли шепотки о том, что некая принцесса провела снежную ночь в задуманных беседах с гвардейцем. Имен никто не называл, из-за чего под подозрением

оказались все без исключения молодые девушки и стражи дворца. Чтобы доказать невинность своих сыновей, многие знатные семьи поспешили разослать сватов и объявить о помолвках.

Благородная супруга Чунь рыдала навзрыд, обнимая свою дочь, Четвертую принцессу. Жены великих князей, искавшие расположения вдовствующей императрицы, кипели от злости. В самом же дворце Милосердия и Покоя по велению разгневанной хозяйки без лишнего шума наказали немало слуг.

Для искушенных в дворцовых интригах придворных этот ворох противоречивых слухов выглядел как неумелая попытка скрыть истину. Фу Лунь, засыпанный насмешками и двусмысленными намеками, пребывал в таком замешательстве, что напрочь забыл о жалости к старшему сыну. Его супруга и вовсе несколько дней не решалась показаться на людях.

И хотя падение высокомерного семейства Фу радовало многих, придворных куда больше занимал вопрос: кто же стоял за этой опалой? Впрочем, вспоминая спесивого Фу Эркяня, которому едва исполнилось пятнадцать, многие лишь посмеивались — возраст-то самый нежный, юношеский, пора бы и о глупостях помечтать. К тому же приближалось время императорского отбора невест, и заботливым родителям пора было присматривать достойные партии для собственных чад.

Вскоре новые сплетни вытеснили из умов горожан толки о тринадцатом принце.

Сам же зачинщик этой суматохи в этот момент праздного покоя сидел в кресле, с улыбкой глядя на Уланара Минкай, который как раз получил увольнение из дворца.

— Минкай, а твой младший брат уже помолвлен? — мягко спросил Иньжэн.

Минкай, обернувшись, бросил прощальный взгляд на темно-красные дворцовые стены, распрощался с сослуживцами и, натянув поводья, направил коня к родному дому.

Едва переступив порог отцовского кабинета, он наконец сбросил маску показного спокойствия. На его лице отразилась глубокая озабоченность.

Совет клана в кабинете Наэрбу затянулся допоздна. Когда обсуждение закончилось, напряжение, витавшее среди мужчин рода Уланара, заметно спало. Они сохранили строгость нравов и скромность в поведении, чем заслужили невольное уважение некоторых проницательных вельмож. «Умеют держать удар, истинный маньчжурский род, — шептались иные. — Жаль только, времена для них тяжелые».

Никто не заметил, что жизнь младшего поколения из побочных ветвей клана внезапно стала куда свободнее. Молодые люди начали заводить широкие знакомства, особенно среди богатых купцов. Если кто-то и обращал на это внимание, то лишь отмахивался:

«Семья Уланара катится на дно вслед за теряющей влияние императрицей, вот и ищут связей с торгашами».

Вскоре невестка императрицы подала прошение о высочайшей аудиенции. Получив весть об этом, вдовствующая императрица Нюхуру лишь снисходительно улыбнулась и дала свое согласие.

Нала была младшей дочерью Наэрбу от законной супруги. Ее мать рано ушла из жизни, и девочка росла под присмотром старшей невестки, госпожи Гуалгия. Их привязанность друг к другу была столь сильна, что напоминала узы матери и дочери. Однако теперь, встретившись во дворце, они были обязаны соблюдать строгий этикет, разделяющий повелительницу и подданную.

Увидев родное лицо после долгой разлуки, императрица не сдержала слез. Едва госпожа Гуалгия склонилась в глубоком поклоне, Нала поспешно сделала знак матушке Жун помочь ей подняться.

— Невестка... — сорвался с ее губ тихий, дрожащий вздох.

Выразив благодарность, госпожа Гуалгия села. Глядя на женщину, в которой больше не осталось прежней гордой силы, она не могла не сострадать ей. Эту девочку она вырастила сама. Вся досада на ее неразумное поведение улетучилась, уступив место щемящей боли в груди. И все же в стенах дворца нельзя было давать волю чувствам, поэтому гостя могла лишь произносить дозволенные этикетом, почтительные слова:

— Ваше Величество, вы должны беречь себя.

Матушка Жун осталась прислуживать в покоях. Матушка Ли увела остальных слуг во внешние комнаты, а сама уселась на страже у дверей.

Разговор длился недолго. Вскоре матушка Жун с глубоким почтением проводила гостью к выходу. У самых ворот дворца Икунь госпожа Гуалгия столкнулась с двенадцатым принцем, который как раз шел навестить матушку и новорожденного брата.

Иньжэн окинул взглядом гостью — она держалась строго по правилам, но без лишней чопорности. Услышав ее родовое имя, он на миг погрузился в воспоминания, но тут же стряхнул наваждение и вспомнил слова Минкая. Семья Уланара действительно вела себя мудро: они оставались в тени и, даже желая поддержать его, присылали лишь надежных слуг из числа своих доверенных лиц. Эта осторожность пришлась Иньжэну по душе. Времена изменились. Пока у него не будет достаточно сил, ему, как и всем остальным, придется запастись терпением.

Иньжэн слегка поклонился госте.

— Племянник приветствует тётушку, — негромко произнес он.

Госпожа Гуалгия поспешно отступила в сторону, не смея принять этот поклон, и принялась внимательно разглядывать трехлетнего ребенка. Иньжэн не отводил взгляда, позволяя ей изучать себя. На губах мальчика играла едва заметная улыбка, но в его темных глазах таилась бездонная глубина. В столь юном возрасте каждое его движение уже было исполнено врожденного величия.

«Истинный сын дракона!» — восхитилась про себя женщина. Впрочем, иного и быть не могло. Мальчик, сумевший заставить осторожного Минкая пойти на риск, явно не был обычным ребенком.

Пока они обменивались вежливыми фразами, из дворца Милосердия и Покоя прибыл посланник с приказом госпоже Гуалгия явиться к вдовствующей императрице.

В глазах Иньжэна на миг сверкнул пронзительный блеск, но тут же угас, и перед посланником предстал лишь робко улыбающийся малыш.

Сделав несколько шагов вслед за провожатым, госпожа Гуалгия слегка повернула голову. Иньжэн тоже обернулся. Их взгляды встретились. Иньжэн на мгновение замер, а затем мягко улыбнулся. Ответив едва заметным кивком, гостя направились во дворец Милосердия и Покоя.

Иньжэн долго смотрел ей вслед, затем покачал головой, отгоняя нахлынувшие воспоминания о былом, и снова усмехнулся, глядя в сторону покоев вдовствующей императрицы.

Уже позже, опустившись на сиденье экипажа, госпожа Гуалгия наконец смогла перевести дух. Визит во дворец Милосердия и Покоя оказался тяжелым испытанием. Вдовствующая императрица не зря вышла победительницей из былых гаремных войн — ее величие и пронзительный взгляд по-прежнему внушали трепет.

Закрыв глаза, женщина мысленно вернулась к мимолетной встрече с двенадцатым принцем. Его взгляд не был по-детски наивным. То был взор человека, познавшего всю суть этого мира. Темные глаза смеялись, но за этой улыбкой невозможно было разглядеть истинные мысли. Величие этого ребенка казалось врожденным, неоспоримым. Он был подобен небесному фениксу, который лишь временно сложил крылья в ожидании древа утун, чтобы вновь взмыть в облака.

Внутри дворца Икунь царила гнетущая тишина. Служанка тихим, испуганным шепотом доложила императрице о прибытии двенадцатого принца.

Заметив всеобщую настороженность, Иньжэн вздохнул и нарочито громко зашагал по полу:

— Матушка, я пришел!

Нала, пребывавшая в глубокой задумчивости, вздрогнула и горько усмехнулась. Невестка права: для женщины нет ничего важнее детей. Она уже потеряла свое пятое дитя, но у нее все еще оставались двенадцатый и тринадцатый принцы. Ради них она обязана терпеть все! Нельзя больше поддаваться безумным порывам.

Но как заглушить былую любовь, если сердце когда-то отдало себя без остатка? Разве можно приказать чувствам угаснуть в одно мгновение?

Глядя на быстро вошедшего сына, Нала посмотрела на него с редкой для нее открытой нежностью. Она достала платок и бережно вытерла капли пота со лба мальчика. Иньжэну было немного неловко, когда с ним обращались как с трехлетним несмышленищем, но эта чистая материнская забота согревала его душу. Он прищурился, не скрывая искренней радости.

Матушка Жун, любуясь этой редкой картиной согласия и тепла, бесшумно покинула покои.

Заметив, что императрица выглядит бледной, Иньжэн принялся развлекать ее забавными историями. К тому моменту, когда он отправился в детскую проводить Хунши, на губах Нала наконец заиграла слабая улыбка.

Императрица приказала Суянь, своей верной служанке, пришедшей с ней еще из родного дома, встать на страже у входа, а сама осталась наедине с матушкой Жун и матушкой Ли.

Отрешенно откинувшись на мягкие подушки, Нала рассеянно перебирала пальцы. Глядя на нее, матушка Жун почувствовала, как сжимается сердце. Она хотела сказать что-то утешительное, но в памяти неожиданно всплыли суровые слова, которыми ее отчитала старшая невестка семьи Уланара:

«Я знаю, матушка, что вы всем сердцем преданы Ее Величеству, но разве дела такого рода не требуют глубокого раздумья? Это императорский дом, здесь каждый, делая шаг, просчитывает три следующих! Характер у Ее Величества прямой и горячий, а вы — та, к чьему слову она прислушивается. Почему же вы думали лишь о том, как бы оградить ее от сиюминутной обиды, вместо того чтобы вовремя остановить? В тот миг вы торжествовали, но что потом? Страдать-то в итоге пришлось Ее Величеству!»

Матушка Жун проглотила готовые сорваться с языка слова утешения и лишь с безмолвной жалостью посмотрела на свою госпожу.

Когда солнце коснулось горизонта, слуги тихими голосами попросили дозволения войти. Матушка Ли и матушка Жун переглянулись и жестом велели им действовать как можно тише.

Служанки бесшумно вошли в покои, чтобы зажечь свечи. Легкий шорох вернул Нала из

забытья. Она заставила себя сосредоточиться и окинула взглядом комнату. Две ее некогда доверенные старшие служанки, Люйцяо и Ланьянь, как раз подносили благовония к курильнице.

Взгляд императрицы мгновенно заledenел. Те, кого она считала своей главной опорой, оказались чужими соглядатаями. Как глупо! Как омерзительно!

Люйцяо проворно засыпала благовония в чашу. Почувствовав на себе пристальный взгляд госпожи, она невольно вздрогнула и незаметно дернула Ланьянь за рукав. Обе служанки поспешно склонились в поклоне, спрашивая о меню для вечерней трапезы.

Нала долго молча разглядывала их из-под полуопущенных век, после чего просто махнула рукой, отсылая прочь. Когда двери за ними закрылись, императрица сложила руки на коленях и ровным голосом произнесла:

— Матушка Жун, покажи мне то, что передала невестка. А вы, матушка Ли, потушите эту курильницу. От ее дыма только голова сильнее разламывается.

Матушка Жун торопливо подала госпоже тонкий листок бумаги.

Глядя на плотные ряды мелких иероглифов, Нала почувствовала, как в груди закипает бешеная ярость. Оказалось, вокруг нее почти не осталось преданных душ! Тот, кто погубил ее пятого ребенка, на самом деле целился в Юнцзи. И ладно бы только эти две негодницы, но почти все слуги во дворце Икунь были расставлены чужой рукой!

Сжимая бумагу дрожащими пальцами, императрица дочитала список до конца. Наконец она опустила руку и на мгновение закрыла глаза. Когда она открыла их снова, на ее лице читалось лишь абсолютное, леденящее спокойствие.

Матушка Ли уже принесла медную жаровню. Нала собственноручно бросила в огонь лист, запечатлевший ее сокрушительное поражение, и молча смотрела, как пламя лоскут за лоскутом пожирает бумагу, превращая ее в серый пепел.

Глядя на нее, обе пожилые женщины ощутили смутную тревогу. В спокойном взгляде императрицы им почудилось едва сдерживаемое безумие.

Лицо Нала казалось застывшей маской, но голос звучал на удивление твердо, когда она принялась методично перечислять скрытые мотивы дворцовых заговорщиков. Закончив, она глубоко вздохнула и посмотрела на дрожащую от гнева матушку Жун и потрясенную матушку Ли. Прежде чем матушка Жун успела заговорить, Нала остановила ее жестом:

— Не нужно горячиться, матушки. Нам следует хорошенько обдумать, как избавиться от всей этой швали тихо, без лишнего шума и чтобы никто не смог обвинить нас. Скоро начнется

малый отбор слуг, и наш клан пришлет во дворец надежных людей. Для начала нужно заменить окружение Юнцзина на тех, кому мы можем верить полностью. Что же касается Юнцзи... Матушка Ли, ступай к нему сама. Поговори с ним и научи, как правильно себя вести.

Договорив, она устало закрыла глаза. Матушки переглянулись, заботливо уложили ее на ложе и, поправив одеяло, бесшумно покинули покой.

Услышав тихий щелчок закрывшейся двери, Нала наконец позволила слезам хлынуть из глаз. Сколько горечи, сколько обид она таила в душе! Столько лет она жила словно в тумане, преследуя призрачную любовь. Сколько же непоправимых ошибок она совершила из-за этой глупости!

Сегодняшний визит невестки был не просто дружеским советом, но и ясным предупреждением: клан Уланара еще не списал ее со счетов. Но почему в разговоре то и дело всплывало имя Юнцзи? Неужели семья решилась на столь рискованный шаг именно ради ее маленького двенадцатого сына?

Перед глазами встало лицо мальчика. После того как не стало ее пятого ребенка, Юнцзи сильно изменился. Из-за ее собственной вспыльчивости и неосторожных слов его, совсем еще кроху, слишком рано переселили в Обитель принцев. Заставить гордый клан начать действовать — задача не из легких, но трехлетний ребенок уже строил планы, как защитить мать и новорожденного брата. Какая же она после этого мать, если заставила сына нести такое бремя!

«Ваше Величество... Я дам своим чувствам последний, единственный шанс. Если ваше сердце останется глухо... я вырву его из своей души навсегда!»

Празднование первого месяца со дня рождения Хунши вышло на славу. Какими бы слухами ни полнился дворец, все наложницы прекрасно понимали: пусть даже тринадцатый принц не пользуется милостью отца, он все равно остается законнорожденным сыном императрицы!

Линь-фэй мягко коснулась своего уже округлившегося живота. Лекарь подтвердил, что она уже два месяца носит под сердцем дитя.

«Это непременно должен быть принц...»

Пока вокруг звучали притворные поздравления и летели скрытые ядовитые уколы, маленький Хунши лишь непрерывно зевал.

«Как же шумно... Скорее бы уснуть».

Нала с непроницаемым лицом наблюдала за тем, как Цяньлун с благосклонной улыбкой принимает кокетливые взгляды круживших вокруг него наложниц.

Заметив на себе пристальный взор супруги, Цяньлун в благодушном настроении одарил ее в ответ мягким, полным нежности взглядом.

Именно тогда Нала впервые отчетливо увидела, что эта высочайшая ласка никогда не затрагивала глубины его глаз. На ее лице расцвела кроткая, застенчивая и преисполненная благодарности улыбка. Она послушно опустила голову, глядя на младенца, но в ее груди воцарился мертвый, ледяной холод.

«Нет никого беспощаднее владык этого мира. До каких же пор я буду оставаться безрассудной душой?»

Кое-кто из присутствующих заметил этот безмолвный разговор супругов. Женские пальцы сильнее сжали шелковые платки, но на лицах не отразилось ни единой эмоции. В эту ночь многим во дворец было не до сна.

<http://bllate.org/book/18338/1768493>